

- [Шолохов Михаил](#)

◦

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Шолохов Михаил

Калоши

Михаил Шолохов

Калоши

С тех пор как на слободские игрища стали приходить парни из станицы (а случилось это осенью, после обмолота хлебов), Семка увидел, что Маринка сразу к нему охладела. Словно никогда и не крутили они промеж себя любовь, словно и не она, Маринка, подарила Семке кисет голубого сатина с зеленой собственноручной вышивкой по краям и с розовыми буквами, целомудренно сиявшими на всех четырех углах этого роскошного подарка. И когда доставал Семка кисет и, слюнявя клочок "Крестьянской газеты", сворачивал подобие козьей ножки, не эти ли чудесные, мерцавшие розовым огнем буквы наивно уверяли его в любви? А теперь как будто поблекла небесная лазурь сатинового кисета, уявили пожелтевшие узоры вышивки, и буквы К-Л-Т-Д, уверявшие от лица Маринки; "кого люблю - тому дарю", глядели на Семку с ехидным лукавством, напоминая обладателю об утраченном счастье. Даже самосад, покоившийся внутри кисета, казался Семке забористей и приобрел почему-то горьковатый, щиплющий привкус.

Причина, повлекшая к преждевременному разрыву любовных отношений с Маринкой, вытекала прямо из калош.

Семка заметил это в воскресенье, когда на игрища в первый раз пришли станичные парни. Один из них, Гришка, по прозвищу "Мокроусый", был с гармошкой немецкого строя, в пухлых галифе с лампасами и в сапогах, на которых немеркнувшим глянцем сияли новые калоши.

Вот с этих-то калош весь вечер не сводила Маринка восхищенного взгляда, а Семка, позабытый и жалкий, просидел в углу до конца игрищ и оттуда с кривой дрожащей улыбкой глядел не на Маринку, разрумяненную танцами, не на судорогу, поводившую губы гармониста, а на пару Гришкиных калош, добросовестно вышлепывающую по грязному полу замысловатые фигуры.

У Семки на будни и праздники одни вязаные чувяки да рваные штаны. Материя от ветхости не держит латок, латки пробредают, и из прорех высматривает смуглое до черноты Семкино тело. Через это и получилось так, что после игрищ пошел провожать Маринку Гришка, а Семка вышел последним из накуренной хаты и, прижимаясь к плетням, намокшим росою, побрел к Маринкиному двору.

II

По дороге мягким войлоком лежала взрыхленная колесами пыль. Ночь текла над слободкой, подгоняя ветром. Ущербленный месяц, бездельничая, слонялся по небу, а по слободской улице впереди Семки шла Маринка об руку с Гришкой. Маринка держала голову слегка набок, а Гришка, сутуясь, бороздил пушистую пыль калошами и сквозь зубы настыпал.

Возле Маринкиного двора лежат срубленные вербы. Парочка села. Семка хрустнул пальцами и с козлиной легкостью перемахнул через плетень.

Сквозь решетчатые просветы плетня ясно, как белым днем, видно Маринку и Гришку, перебирающего лады двухрядки. Под сдержанное взвизгивания гармошки Гришка вполголоса чеканил:

- Ох, Мариша, сам не знаю,
По тебе я как страдаю.
Обрати внимание

Ты на мое страдание!"

Маринка придвинулась поближе, спросила вкрадчиво:

- Где покупали калоши, Григорий Климыч?

Гришка качнул ногою:

- В потребилке.

Семка видит, как Маринка не отводит зачарованного взгляда от Гришкиных калош. Сквозь вкрадчивое пххрипывание гармошки снова слышит он вздрагивающий Маринкин голос:

- Почем же платили?

- Пять с полтиной.

- Пять с полтиной?.. - переспрашивает Маринка, и в голосе ее ясно слышится почтительное изумление. Такие дорогие, а вы их в пыле ватлаете...

Семка видит, как Маринка нагинается и утиркой смахивает пыль с Гришкиных калош.

Гришка поджимает ноги.

- Што ты, Мариша, брось!.. По мне, калоши - раз плонуть. Одни сношу капиталу и на другие хватит! Утирку вот вымазала...

- Утирка выстирается... - Маринка проглотила вздох.- У вас в станице барышни тоже небось в калошах ходют?

Гришка перекинул гармошку через плечо и завладел Маринкиной рукой.

- Они хучь и ходют, а только я на свой авторитет не найду подходящей... За мной вон одна дюже ушивается, а на какую причину она мне нужна, раз у ней ряшка как у жабы?

Гришка презрительно сплюнул, вытер рукавом губы и надолго прилип к Маринкиной щеке...

У Семки от неудобного положения затекли ноги, но сидел он за плетнем в капустной грядке словно врытый. Лишь тогда, когда белый Маринкин платок и фасонистая Гришкина фуражка сползались в кучу, Семка порывисто кивал головой и шарил возле себя дрожащими руками в надежде нащупать камень.

...Месяц, плутавший за тучами, притомился и, сгорбатившись, стал спускаться на запад. В сарае, хлопая крыльями, нагло протрубил зорю петух.

Гришка встал.

- Ну, Мариша, куда же мне завтра приходить?

Маринка поправила съехавший набок платок, ответила шепотом:

- К кузнице приходите... я подожду.

Семку, как пружиной, подкинуло: ухватился за плетень, под рукой хряпнул кол.

Маринка, ахнув, попятилась к воротам, а Гришка накочетился и стал боком.

Семка прыгнул через плетень и, махая увесистым колом, подошел к Гришке. Злоба мешала говорить, он заикался:

- Ты что же это?.. к чужим девкам?.. а?..

- Иди, иди... отчаливай!.. Ваш номер восемь, вас после спросим!..

- Нет, погоди!.. За тобой должок... посчитаемся...

- Ждать тут нечего... - протяжно сказал Гришка и, нагнув голову, не размахиваясь, стремительно качнувшись вперед, с силой ударил Семку в живот.

Жаркое удушье петлей захлестнуло горло. Едва не выронил Семка кол, но, пересиливая боль, скривил губы в размахнулся. Фуражка сорвалась с Гришкиной головы, закружилась волчком.

Удар, упавший наосклизы, пришелся по гармошке. Из разорванного меха со вздохом облегчения рванулся воздух. Не успел Гришка увернуться, как кол, взвизгнув, снова обрушился на плечо.

Через минуту вдоль улицы маячила Гришкина белая рубаха, а Семка растерянно мял в руках брошенную фуражку и, корчась, передыхая от колючего удушья, голосом, тонким и скорбным, говорил Маринке, стоявший возле ворот:

- Сама дарила кисет... возьми его, гадюка!.. Я с тобой как с доброй, а ты калоши увидела и давай целоваться... Да я этих калош, может, двадцать имел бы... ежли бы захотел.

Маринка зевнула в кулак и, поглядывая на тускнеющие звезды, равнодушно сказала:

- Надоел ты мне, голоштанный! Совестно глядетьто на тебя, не то что... Вон штаны-то на тебе будто собаки обнесли... весь стыд наруже, а туда же, калоши...- Еще раз зевнула до слез и, поворачиваясь к Семке спиной, досадливо упрекнула:

- Куда конь с копытом, туда и ты с клешней своей... Хоть бы опорки какие себе справил, босотва боженькина!

Семка глухо оправдывался:

- Мои штаны к тебе вовсе не касаются... ты мне не указ... И насчет опорков тоже... Твоему батьке, может, вши гашник переели, я же не вступаю в ихнее дело?.. По мне, пущай его хучь с потрохами слопают!

Маринка звучно щелкнула щеколдой, стала на цыпочки и, выглядывая из двора через калитку, крикнула:

- Ты чужим вшам счет не заводи!.. Своих полно! Твоя мать весной с сумкой ходила - христарадничала... Сам - кусошник, а чужих отцов хаешь!..

Семка, не целясь, плонул в калитку.

- Отцепись, лихоманка!.. Жалко, што канителился с тобой, целовал твои ругательные губы... Да сгори ты ясным огнем! Я, коль на то пошло, теперь лучше телушку под хвост поцелую, чем тебя, поганку!..

- Тобой, кобелем лохматым, и телушка побрезгует!..- ядовито зашипела Маринка.- Свинья тебя целовала, да три дня блевала!.. И не подходи! И на дух не нужен! Тыфу!..

Семка прислушался к глухнущим шагам и тупо уставился на ворота.

Возле Маринкиных ворот в эту ночь и умерла Семкина любовь, родившаяся два месяца назад на слободских бахчах в вечер погожий и ласковый.

III

Утром с рассветом поехал Семка пахать. Ходил за плугом сердитый, взлохмаченный. Два раза, задумавшись, перепахал лежавшую около дорогу, за поручни держался нетвердо, и борозды распластывались неглубокие, кривые; лемехи в нетрезвом разбеге вплюжили черствую намозоленную кожу земли, лишь слегка ее обдирая, и в каждой свернутой набок отполированной сталью глыбе чудился Семке блеск чьих-то калош...

Пообедав, прилег под арбу отдохнуть и, едва лишь над смеженными ресницами повиснул сон, увидел Семка себя в кругу знакомых слободских ребят, откуда-то со стороны издали любовался своими штанами, причудливо вобранными в сапоги, а там ниже, на земле, присыпанной подсолнечной шелухой, с вывертом стояли Семкины ноги, и слепило глаза неотразимое сияние его, Семкиных, собственных калош.

Сон был сладок и освежающ, а пробуждение вновь до краев налило горечью Семкино сердце.

х х х

Отец Семки перед смертью отписал ему в вечность корову с телком да хворую жену с ворохом голых детей. Мать Семкина весной ходила по миру, под окнами краюхи собирала, ребята зиму голые копошились на печке, а летом безвылазно торчали в камышастой речке - благо, там одежки-обувки не требуется. Телок на третий год выровнялся в диковинного быка-работягу, масти невиданно гнедой, собою ветвисторогий и грудастый; корова же от работы

захляла, почти перестала доиться, кашляла и страдала неудержимым поносом. На этой-то худобе и работал Семка, а с такой справой да с семьей, где шестеро детей один одного нянчат, каждому известно - много не сработаешь.

Десятину пахал Семка три дня. Трое суток раздумья и вздохов легли через Семкину жизнь, как длиннющий, неезженый проследок через степь. На четвертые сутки день выпал погожий, слегка морозный. Солнце, маленькое, бескровно желтое, шло по вылинявшему небу не над слободкой, как летом, а колесило где-то в стороне, к югу.

На слободке в одном Семкином дворе пригорюнился немолоченый прикладок жита.

С утра насадили посад, у соседа добыл Семка камень-молотилку, запряг корову и бычка. Степановна - Семкина мать - перекрестилась.

- Начинай, сынок, с господом!

И молотьба "с господом" началась.

Корова часто останавливалась, остро горбатила спину и мочила хлеб зеленою вонючей жижей. Семкина мать руками торопливо сгребала дымящийся помет, заботливо выбирала для просушки каждый колосок, а Семка, желтея от злости, сильней стегал кнутом по гулким ребристым бокам коровы, и на сухой изморщиненной коже ее крест-накрест припухали частые рубцы.

Насаживая второй посад, Семка сказал:

- Корову продадим, маманя... С нее толку как с козла молока. Ни езды в ней, ни работы. Жито все перемочит, пока обмолотим, а пахать вовсе негожа.

Руки Степановны, скрюченные застарелым ревматизмом, поднялись и бессильно упали.

- Очумел ты, Семушка? А ребят кормить чем будем? Молоко одно и душу в теле держит.

- Корова вот-вот отъет, а ребята тыквой будут оправдываться...

- С тыквы у них животы вон пухнут...

Семка с сердцем кинул в намолоченный ворох грабли.

- А что зиму-то будем жрать? Хлеба видишь сколько? Сама посуди: намолотили пудов двадцать, до святок пожуем, а там зубы на полку?..

- Может, бычка бы... Бычка бы, Сема, может, продали?..

- Постой, это как же? - бледнея, дрогнувшим голосом спросил Семка. Тогда, значит, на землю плюнуть приходится? Пахать не на чем и убирать... Как же можно так говорить?..

- Ну, а без коровы дети подохнут! - отрезала мать. На том разговор и кончился.

IV

Каждый месяц восемнадцатого числа в станице - рынок. С окружных хуторов и станиц сгоняют казаки скот, со станции наезжают скупщики, тут же на рыночной площади разбивают купцы дощатые лавки, на прилавках шелестят пахучие ситцы, возле кожевенных лавок бородатые станичники пробуют доброту кожи на зуб, "страдают" карусельные гармошки, на обливных горшках вызванивают горшечники, девки, взлетая на лодочках, визжат и нескромно мигают подолами, цыгане мордуют лошадей, в шинках казаки вышивают "за долгое свидание". Рынок пахнет медом, дублеными овчинами, конским пометом.

Запахи, невыразимо разнородные, терпкие и солоноватые, наносит ветерок с рыночной площади. Два дня над станцией прибойным гулом стонет многоголосый рев.

В день рынка, утром, спросила у Семки мать:

- Поведешь продавать бычка аль нет?

Семка, обжигаясь, чистил вареную картошку. На материн вопрос промолчал, подул на пальцы и ладонью смел с колен картофельную кожуру.

Степановна, гремя у печки рогачами, говорила:

- Ежели б продали бычка рублей за пятьдесят, хлеба на зиму подкупили бы... Тебе, сынок,

штаны справить край надо и мне рубаху, а то тело все на виду... Да ребятам купили бы дешевенького. Сапожки бы - хоть одни на всех... Ваньке вон в школуходить надо. Зима заходит, а он разутый.

Горячей картошки обожгла-кольнула Семку мыслишка: "Калоши можно купить!.."

Трудно двигая кадыком, пропихнул в горло недожеванный кусок, и от мысли этой как будто что-то екнуло и оборвалось под сердцем. Маринка, Гришка, мать, бычок, калоши словно на карусели поплыли перед глазами. Мать еще говорила глухо и монотонно, как по Псалтырю читала, а Семка уже вскочил, с треском рваный зипун напялил и к дверям - как обморок его шибанул.

- Помоги взнальгать бычка! Слыши, маманя? Да поживей!..

V

Семка тянул бычка за нальгач, сзади воробыиной ватагой сыпали ребятишки, с визгом подгоняли хворостинами норовистого быка, а тот упирался, неистово мотал головой и негодовал низким, трубным голосом.

На рынке возле возов лежат привязанные быки и коровы, дремотно движутся их нижние челюсти, перетирая слюнявую жвачку, пар идет из-под лохматых животов, пригревших сырую землю.

Мимо прохаживают щибай с длинными пастушечими костылями. Сапогом толкает купец облюбованного быка и заходит наперед. Бык, кряхтя, ставит на колени передние ноги, потом тяжело упирается раздвоенными копытами в слизистую грязь и упруго поднимает зад. Привычными пальцами быстро и толково щупает купец грудь, ноги, спину, засматривает в рот - не съедены ли старостью зубы, хлопает с хозяином по рукам, божится, кидает оземь шапку.

Семкин бык, привязанный к забору, вскоре привлек внимание рыжего купца. Подошел к Семке.

- Ты хозяин?

- Я.

- Сколько просишь? - А сам на Семку и не взглянет. Топчется вокруг быка, всего излапал крючковатыми пальцами и глазами, резво шнырявшими под рыжей крышей бровей.

- Семьдесят! - бухнул Семка.

- Может, со всем с тобой? - беззубо ощерился купец.

- Проваливай, коли так!..

Семка исподлобья глянул вслед уходившему купцу. Тот повернулся боком.

- Говори окончательную цену!.. Шестьдесят берешь? Нет? Ну, посиди с бычком, может, бог даст, домой отведешь, все целей будет.

- Поди побреши, этим и кормиешься! - обиделся Семка.

Поколесив по рынку, рыжий в сопровождении седого хохла подходит вновь.

- Ну, как, надумал?

- Семьдесят! - уперся Семка.

Через полчаса охрипший купец сует Семке в дрожащую руку две червонные бумажки (на левых углах ражие дяди высеваю зерно из лукошек). Тут же, между возами, пьют магарыч. Купец, запрокинув голову, тянет из темной бутылки, и не поймет Семка, где это булькает: то ли в горлышке бутылки, то ли в глотке купца. Бутылка переходит в Семкины руки. Рот и желудок обжигает влажное тепло, в нос ширяет самогонным дымком. Так много не пил он никогда.

- Ну, в час добрый!..- прожевывая черствый бублик, сипит купец.- Ценой мы тебя не обидели... Корму нонешний год нету, зимой за так отдал бы!

- Бычок мой... - Голос у Семки дрожит, дрожат и воги.- Не бычок, а кормилец... кабы не нужда, сроду не продал бы!..

Рыжий подмигивает хохлу:

- Что и толковать... На свете дураки - одни быки да казаки. Бык работает на казака, а казак на быка, так всю жисть один на одном и ездят!..

Рыжий отвязывает быка и гогочет, а Семка в руке жмет деньги; рука в кармане, как белогрудый стрепет в осилке. Ноги послушно несут к лавкам, в голове, затуманенной хмелем, одна лишь мысль: "Надену и мимо Маришкиного двора; пущай смотрит, стерва... Не одному Гришке калоши иметь!.."

Купец мягко перегнулся через прилавок.

- Чего прикажете, молодой человек?

- А мне бы эти... как их... калоши!..

Семка старается обуздить свой голос, но звуки ползут из горла чудовищно громкие, несуразные. Семка чувствует, что на него смотрят и останавливаются идущие мимо люди.

- Вам какой номер прикажете?.. - слышит он откуда-то издалека тусклый голос и напрягает легкие, чтобы его слышали.

- Мне без номера... Чистые калоши подавай!..

Маленькие заплытые глазки купца словно масло Семке на сердце лют. Голос вежливый, ласковый, так никто никогда не говорил с ним, и от этого Семка растроган почти до слез.

- Друг!.. Уважь мне калоши, только без номера... Я заплачу... Лишь бы были чистые, без номеров...

Семка не видит ехидной улыбки, тлеющей в глазах купца.

- Вам сапожки бы надо, на голых ногах кто же калоши носит? Зайдите вот сюда - примерьте. Товарец - что-нибудь особенное!.. Раскошные сапоги!..

Как сквозь сон Семка чувствует чьи-то услужливые руки, помогающие ему надеть пахучие яловочные сапоги. Потом за брезентовой ширмочкой на голое тело ему со скрипом напяливают колючие суконные штаны и длиннополый пиджак. Лохмотья Семкины приказчик брезгливо заворачивает в газету и сует ему под мышку, а Семка качается, обнимает круглую спину приказчика и смеется счастливым, беспринципным смехом.

- Сюртуком будете довольны... Настоящее суконцо, довоенное...

Глаза ласкают Семку, и голос, каким за всю жизнЬ никто никогда не говорил с ним, без мыла ползет в душу.

- Разрешите и фуражечку примерить?

Семка плачет слезами счастья и подставляет голову.

- Братцы!.. Да я хоть в могилу!.. Деньги - прах их побери!.. Калоши мне дороже... Получай!..

Из Семкиного кулака на пол мягко шлепаются скомканые, влажные от пота кредитки.

Купец быстренько подбирает их, стучит в ящике медью и с шестидесяти рублей сует Семке в карман сдачу - зеленый полтинник и две сверкающие медные копейки. Изъеденный молью пышный картуз нахлобучивают Семке на голову, и глаза, до этого ласковые и приветливые, сверлят Семку острыми буравчиками. Голос грубо рявкает над самым ухом:

- Пошел к черту, сукин сын! Пьяная сопля! Живо!..

Кто-то поддает сзади коленом, и Семка с застывшей пьяной улыбкой летит из-за прилавка и мешковато падает в грязь. Трудно поднялся, рот раскрыл в похабном ругательстве, но вдруг прямо перед собой увидел Маринку, под праздничным платочком смеющиеся глаза и щеки, блестящие от огуречной помады.

Как в мутном тумане, бродил с нею по рынку, на последний полтинник купил угощенье - ослизлых конфет, где-то падал и сильно ушибся, но помнил твердо, что все время на него лучился Маринкин восхищенный взгляд. Шел, спотыкаясь и широко разбрасывая ноги, в

сумчатых галифе, разбрызгивая грязь блестящими калошами. Маринка шла немного сзади, просила шепотом:

- Сема, ну, не надо!.. Не шуми, люди на нас глядят!.. Сема, совестно ить...

Вечером возле "столовки" плясал Семка казачка и пил с чужими казаками самогон, а перед зарею, шатаясь, добрел до дома и резко постучал в окно.

Мать, кутаясь в лохмотья, отворила дверь и испуганно отшатнулась.

- Кто такой? Кого надо?

- Это я, маманя...

Чуя недоброд, унимая дрожь, молча пропустила Семку и зажгла огарок. На печке дружно сопели ребята, трещал и чадил огонь.

- Продал бычка? - спросила, и мелкой дробью лязгнули зубы.

- Продал бычка... я продал... да...

- А деньги?! - - Деньги? Вот они.

Семка скривил губы улыбкой и полез рукой в карман. В тишине слышно, как судорожно скребут внутри кармана пальцы. Глухо звякнула медь.

К порожнему карману, где шарила Семкина рука, пристыла мать немигающим взглядом. Покачиваясь, опираясь на стол, вырвал из кармана Семка две медные сверкающие копейки и кинул на земляной пол. Одна из них закружила желтым светлячком и, звякнув, покатилась под лавку.

С хрипом упала мать на колени, ноги Семкины обхватила, голосила по-мертвому и билась седой головой об пол.

- Родимый!.. Сы-ну-у-ушка! Да как же?! Охо-хoho-o! И что же ты наде-е-елал?!

Семка, дергая ногами, пятися к дверям, а она ползла за ним на коленях, от толчков мотала вывалившимися из прорехи узенькими иссохшими грудями, синея, давилась криком, и на измазанные Семкины калоши текли слезы.

1926

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)